

Вечер, когда семья собирается вместе, – лучшее время. Заглянем в квартиру номер сто пятьдесят шесть одного из домов в одном крупном, с метро, российском городе.

Женщина – ей ближе к сорока, но, как большинство горожанок, выглядит несколько моложе, следит за фигурой – собирает на стол к ужину. Все как положено: фартук, волосы прибраны.

Рядом сидит девочка и играет в смартфон. Возраст у таких мегаполисных детей определить сложно. Ей может быть и двенадцать, и двадцать. Субтильная, бледная, в просторной толстовке, джинсах...

Звонок в дверь. Женщина вздрогнула. То ли радостно, то ли испуганно. Метнулась было и тут же остановилась. Попросила:

– Варюша, открой.

Не отрывая взгляд от экранчика, девочка пошла в прихожую. Через несколько секунд оттуда раздался бодрый мужской голос:

– Привет, красавица! Хорошо выглядишь... Держи, это тебе, а это маме.

Варя вернулась на кухню с шоколадным яйцом и небольшим букетом роз. Смартфон торчал из кармана толстовки.

– Привет, любимая! – Мужчина поцеловал женщину в щеку.

– Спасибо за розы, любимый. Иди мой руки – и ужинать.

– С удовольствием.

Он ушел в ванную. Лицо женщины сделалось тревожным. Но поймала взгляд девочки, улыбнулась. Может быть, машинально повторила улыбку Вари – та просто сияла.

– Та-ак... – Мужчина, закатывая рукава белой сорочки, уселся за стол.

– А я приготовила пиццу.

– Пицца! – Он радостно изумился. – Обожаю!

Из духовки появилась пицца. В руках мужчины нож. И он по-хозяйски уверенно порезал ее на дольки.

– Это Варюше... Это Ируше... Это Андрюше... Приятного аппетита!

– Варь, – мягко позвала женщина, – что нужно сказать?

И девочка с радостной готовностью выпалила:

– Приятного аппетита всем!

Некоторое время ели молча. Постановывали – пицца была вкусная и очень горячая, сыр тянулся нитками...

– Как твои дела на работе? – спросила женщина.

– Отлично! Меня повышают.

– Ура! – Варя подпрыгнула. – Я так и знала, что тебя повысят.

Мужчина подмигнул ей:

– Ты у меня все знаешь, красавица... Любимая, чудесная пицца, просто м-м-м! А как, – снова повернулся к Варе, – прошел твой день, птичка?

Лежали на широкой тахте.
Девочка посередине,
взрослые по краям.
На экране прыгал и пел
пингвиненок Лоло. Девочка
подпевала, а взрослые
смотрели безучастно.
Вернее, терпеливо. Так
надо – лежать и смотреть.

- Я сегодня играла.
- Здорово!
- В это время женщина, вспомнив что-то, быстро поднялась, взяла из шкафа блистер с таблетками, вышлкнула две, подала дочке:
- Выпей.
- Варя послушно бросила таблетки в рот, запила водой из кружки. Показала пустой рот.
- Варя, это необязательно.
- Обязательно, – не согласился мужчина. – Нужно ведь соблюдать правила нашей игры? – И подмигнул девочке.
- Она подмигнула в ответ, спросила:
- А какой фильм мы будем сегодня смотреть?
- Мужчина пожал плечами:
- Может быть, «Пингвиненка Лоло»?
- Ура! Да!
- Давай, обезьянка, доедай, и будем смотреть пингвиненка.
- Варя стала есть быстрее. Тем более пицца уже остыла. Мужчина и женщина наблюдали и время от времени коротко переглядывались...
- Мама, спасибо, все было вкусно!
- Женщина кивнула:
- Я рада. – И стала прибирать на столе.
- Мужчина подхватил Варю на руки и понес в комнату. Приговаривал:
- А кто у нас такой красивый? Кто у нас будет смотреть пингвиненка?
- Я! Я! Я! – И уже из комнаты крикнула: – Мамочка, мы тебя ждем!
- Иду...

Лежали на широкой тахте. Девочка посередине, взрослые по краям. На экране прыгал и пел пингвиненок Лоло. Девочка подпевала, а взрослые смотрели безучастно. Вернее, терпеливо. Так надо – лежать и смотреть.

- И снова кухня. Но теперь на ней только двое: мужчина и женщина. Он стоит у окна и переписывается с кем-то в телефоне. Она сидит на табуретке в пижаме, смотрит в его спину. И произносит тихо:
- Андрей, я тебя ненавижу.
- За что на этот раз? – В голосе ни нотки удивления.
- Зачем ты это сделал?
- Что?
- Выложил фотки в фейсбук.
- Она сама выложила.
- С твоего аккаунта?
- Ну допустим.
- Что ты врешь?
- Он повернулся к ней.
- У Вари все равно нет фейсбука.
- Ну а если... Если она случайно зайдет? Ты помнишь, что было, когда она увидела?.. Помнишь?
- Помню.
- Они посмотрели друг другу в глаза. И женщина мягко попросила:
- Не надо так больше делать, пожалуйста.
- Он усмехнулся:
- Не надо начинать диалог с фразы: «Я тебя ненавижу». Это неконструктивно.
- Если это правда...
- Ну что, – его голос задрожал и стал срываться на крик, – что я могу сделать?!
- А я?!
- Я и так... Я оставил вам квартиру, мою квартиру... родителей...
- Ты нас квартирой попрекаешь?
- И снова они долго смотрели друг на друга, глаза в глаза. Остывали.
- Все, я пошел. Дашка уже, – сделал паузу, подбирая слово, – негодует.
- Давай. – Женщина нашла на столе крошку и стала давить ее ногтем. – И скажи ей, что теперь пятница – моя.
- Это почему?
- Обстоятельства изменились.
- Мужчина постоял в прихожей, покачался на каблуках и ответил бесцветно:
- Хорошо, скажу.

Бесконечное метро, стук колес, мелкая тряска, от которой голова покачивается, как у игрушки.

Мужчина сидит в почти пустом – позднем – вагоне, смотрит на свое отражение в темном окне. Там лицо еще не старого, но очень уставшего человека.

Только вставил ключ в замок – за дверью разда- лось:

– Папа пришел! Папа пришел!

Открыл дверь – мальчик лет пяти бросился на грудь, вскарабкался по пальто к шее.

– Ух ты, как настоящая обезьянка, – ласково про- бормотал мужчина.

В прихожей появилась молодая женщина в хала- те. Лицо красивое и недовольное.

– Антон, я кому сказала – в постель. Завтра не до- будишься...

– Папа пришел!

– Да пришел, пришел твой папа... Все, иди в по- стель.

Мужчина поддержал:

– Давай, сынок, топай. Я сейчас...

Ссадил сына на пол, тот пошел в комнату. Оста- новился.

– Точно придешь?

– Да, сейчас... Привет, Даш.

– Ужин на столе, – отозвалась она.

– Я не голоден.

– Я знаю. – И после паузы повысила голос: – А я хочу ужинать с мужем! С мужем, слышишь, а не в гордом одиночестве.

– Сейчас, только к Антохе зайду...

Сидели на кухне друг напротив друга. Андрей ко- вырялся вилкой в тарелке, опустив голову.

– Невкусно? – не выдержала Даша.

– Нет, очень вкусно.

Она покривила губы.

Полминуты, минута в молчании.

– Как день? – В ее голосе натужная интонация ин- тереса.

– Да что-то устал... На работе траблы... Комиссия какая-то...

– Ты мне на карту десятку кинешь? Антону массаж прописали.

Не поднимая головы, Андрей ответил:

– Зайчик, у меня нет сейчас...

– На эту есть, а на родного ребенка нет...

– Даша, не начинай, пожалуйста.

– А что не начинай? Ты по ползарплаты этой на лекарства спускаешь!

Он наконец-то посмотрел на жену:

– Она – моя дочь.

– Хм! Антон, значит, не твой сын?

– Все, все – я найду, я займу, только успокойся.

Снова посидели молча. Мужчина с усилием до- едал ужин... Даша не выдержала:

– Почему она не покупает этой лекарства? – «Она» получилось большим, колючим.

– Она тоже покупает, ты знаешь. – Андрей говорил тихо, размыто, как выпивший. – Просто у нее ма- ленький заработок.

– Вот как! – Жена, наоборот, распалась все боль- ше. – Это, значит, все оправдывает? А у тебя се- мья – она не забыла?

– Нет... Кстати, Ирина просила... В общем, теперь пятница – ее день.

– С какой стати?

– У нее там что-то с Михаилом...

– Чудесно. Пятница – ее день, суббота – ее день. Она там, часом, не обнаглела вконец?

Мужчина наконец доел и отодвинул тарелку. По- просил:

– Пошли спать.

– Я ей позвоню.

– Даша, не надо. Не надо.

– Я ей позвоню и все скажу... – Жена не хваталась за телефон, зато жгла взглядом Андрея.

– Я тебя прошу – не надо.

– Я позвоню...

Он поднялся:

– Спасибо за ужин, любимая! – Голос был злой, но холодный. – Я – спать.

Она пришла быстро. Скинула халат на напольную деревянную вешалку возле кровати, легла рядом с ним. Полежала, спросила жалобно, мягко:

– Ну а ты можешь пореже туда ездить?

– Мы об этом говорили уже...

– Разве эта не переживет, если ты будешь приез- жать через раз хотя бы?

– Не называй ее этой, пожалуйста. Ее зовут Варя, она – моя дочь.

– Ну хорошо. – Даша вроде бы уступила, но через несколько секунд пошла в новую атаку: – А в пят- ницу вечером мы в «Ашан» собирались.

– Пятница теперь отменяется.

– Если она у нас пятницу отхватила, пусть отдает субботу.

– Ладно, я поговорю.

Даша приподнялась на локте, посмотрела в лицо Андрею. Он лежал с закрытыми глазами.

– Поговоришь?

– Поговорю.

Она поцеловала его. Потом еще. Мужчина обхва- тил ее рукой, прижал к себе.

Вспомнив сон, Варя положила на тарелку недоеденный кусок. – Голос сказал мне встать и порвать свое платье. Оно отравлено... Он долго говорил... Но я не порвала.

И снова на кухне. Теперь той квартиры, где живет его дочь. Андрей сидит за столом и слепо смотрит перед собой. На стену. Как спит.

– Может, кофе? – предлагает Ирина.

– Нет... спасибо.

Она достает из духовки пиццу, перекладывает на большую тарелку. Ставит на стол.

– Готово.

Андрей ворчит. Не ей, а себе:

– Ненавижу сраную пиццу... и себя... И вообще бы...

– Ну давай, давай ее уьем! – Ирина, кажется, только и ждала его слов, чтоб начать говорить о важном. – Скорми ей упаковку таблеток за раз, а потом скажем, что она сама их съела.

– То есть, – Андрей словно проснулся, – ты тоже об этом думаешь?

– Придурок!

На кухню вошла Варя. Он улыбнулся:

– Ты проснулась, красавица?

– Да... А вы тут почему кричали?

– Мы не кричали. – Ирина резала пиццу. – Мы громко разговаривали. Видишь, что я сегодня пригостила нам на завтрак.

– Ура! Я так люблю пиццу!

– Садись быстрее.

Варя и Ирина уселись, Андрей тоже придвинулся ближе к столу.

– Как ты спала?

– Хорошо. Просыпалась один раз.

– Страшный сон приснился? – В голосе Ирины привычное беспокойство.

– Да. – И, вспомнив сон, Варя положила на тарелку недоеденный кусок. – Голос сказал мне встать и порвать свое платье. Оно отравлено... Он долго говорил... Но я не порвала.

– Оять голос? – Андрей и Ирина переглянулись. – Почему ты нас не позвала?

– Я потом уснула. Потом мне еще снились зайчики и ты, папа.

– Я? И что я делал?

– Ты ловил зайчиков на лугу. А они все от тебя убегали.

– Хороший сон.

Варя взяла кусок, продолжила есть. И с набитым ртом спросила:

– Папочка, знаешь что?

– Что, обезьянка?

– Мне кажется, я так тебя люблю... И маму, кажется, тоже.

– Ты мое золото. – Андрей потрепал ее волосы.

– Голос мне говорил, что я вас не люблю, но я вас люблю.

– Не слушай голос, – сказала Ирина и поднялась, достала таблетки. – Давай лучше выпьем.

Вышелкнула, подала дочке. Та бросила в рот, запила водой.

– Вот молодец, – похвалил Андрей. – И никаких голосов.

Варя отозвалась:

– Никаких голосов...

Мужчина посмотрел на часы.

– Все, девочки, я побежал на работу.

– А чай?

– На работе... Спасибо. Пока, красавица!

– Пока, папочка!

Ирина вышла его проводить.

– Оять голоса... Надо показать ее Абраму Марковичу.

– Думаешь, таблетки перестали работать? – Андрей сказал это кряхтя, втискивая ногу в туфлю.

– Так ведь уже было...

– Хорошо. Набери мне, как поговоришь с ним.

Ирина кивнула. Помолчала, напомнила:

– Не забудь, сегодня моя ночь.

Он уже стоял лицом к двери. Ответил, не оборачиваясь:

– Помню.

Ирина в спальне. Шторы сдвинуты, приятный полумрак. Тишина. Включен ноутбук, и она, сидя на тахте, что-то с увлечением набирает на нем.

Телефон прислал СМС. Морщась досадливо, что оторвали, Ирина читает. И лицо ее светлеет. Она диктует голосовое сообщение:

– Миш. Я сейчас занята немного. Все в силе, да. Целую, до вечера.

И снова шелестит клавишами.

– Мамочка. – Это Варя, голос ее дрожит. – Я там такое наделала... Ой...

Ирина приглядывается, потом зажимает себе нос ладонью:

– Что это? Чем от тебя несет?

– Мама, я там наделала... мам...

Ирина вскакивает и бежит по квартире. Заглядывает в ванную. Вся она разрисована калом. Линии, круги, зигзаги.

– Сука!

– Я просто хотела вспомнить. – Жалобный голос за спиной. – Хотела вспомнить, как рисовать дельфинчика. Помнишь, папа меня учил?

Ирина не бросилась отмывать стены, зеркало, шкафчик. Села на пол. Смотрела на Варю. И сказала после долгой паузы:

– Как ты меня достала. – Без злобы, даже без раздражения, но с каменной убежденностью. – Я тебя ненавижу. Ненавижу тебя, понимаешь.

– Мамочка, просто дельфинчик не получился... Мне голос сказал дельфинчика рисовать. Сказал: ты не помнишь, что ли, как дельфинчика рисовать? И стал смеяться, что я не помню. А я помнила и забыла...

– Ты и твой голос, – Ирина смотрела ей в глаза, но ничего там уже не искала, – чтоб вы сдохли, суки. Сдохли – и все.

– Мамочка, зачем ты ругаешься? Зачем ты ругаешься? – До девочки постепенно доходил смысл того, что говорила мать. – Зачем?.. Ты... Ты сама сдохни. Сука сама! Тварь вообще!.. Зачем ты ругаешься?.. Уродина, свинья!.. Зачем ты ругаешься?

– Так! – Ирина стала подниматься. – Рот закрой!

– Скотина! Скотина! Пошла на хер! Пошла, говорю! Зачем ты ругаешься? Тварь вообще!

– Так, так, успокоились. Все.

– Пошла, говорю! Тварь!

– Варюша, давай успокоимся.

– Зачем ты ругаешься? Тварь!

Ирина попыталась обнять дочку. Та отбилась измазанными калом руками.

– Варюша...

– На хер пошла, говорю! Скотина!

Ирина принесла таблетки.

– Две таблетки под язычок...

– Пошла!.. Зачем ты...

Раскрыв ей рот насильно, Ирина впихнула туда лекарство. И держала, чтоб Варя не сплюнула.

Андрей обувадается, надевает пальто под взглядом жены.

– Ты же только пришел.

– Даш, солнышко, ты пойми...

– Я устала понимать. Я семь лет только и делаю, что понимаю... А знаешь, что самое страшное в этом во всем? – Подождала. – Знаешь?

– Нет, я не знаю. Что?

– Что она никогда не вырастет. Это никогда не закончится. Ни-ког-да!

– Когда-нибудь закончится...

– Когда?

– Ну...

– Вот – одно «ну».

Андрей посмотрел на Дашу.

– А что ты предлагаешь?

– Сдайте ее в интернат и прекратите... Вы же мучаете друг друга столько лет!

– В интернат? Варю?

– Ну да...

– Дура!

Метро. В вагонелюдно, но не очень. Час пик на исходе. Вот-вот народ растечется по квартирам, клубам, кафешкам, кофейням. Будет отдыхать после рабочей недели. Кто шумно, кто тихо.

Андрей стоит, держась за верхний поручень и положив голову на руку...

В прихожей квартиры, где живет его дочь. Устало раздевается. Ирина в маленьком черном платье, лицо ярко накрашено.

– Тсс, она спит. Завтра в двенадцать консультация. Очень вовремя – у нее опять был приступ.

– Он сколько берет? Шесть пятьсот, как раньше?

– Вроде... Не уточняла.

– Просто у меня сейчас денег в обрез. Может, добавишь две?

– В смысле, в обрез? Найди, ты же мужик.

– Там Антохе массаж...

– Давай проблемы Антохи без меня.

Андрей затравленно смотрит на Ирину. Та выдерживает взгляд и начинает обуваться.

– Что, так сложно войти в положение и добавить? – В его голосе совсем нет надежды.

– Несложно. Просто я сегодня ванную от говна отмывала – считаю, что мне положена компенсация. Ванная – вся, представляешь...

– О'кей. Завтра в одиннадцать будь дома, пожалуйста.

Стоят друг напротив друга. Он в свитере, джинсах и тапочках. Она – в пальто, сапогах на высоких каблуках.

– Ты – красивая сегодня.

– Твое мнение не интересует вообще. Но – спасибо.

- Пожалуйста.
- Слушай, можешь меня понюхать? От меня говном не пахнет?
Андрей шумно втягивает воздух.
- Нет, только духами.
Ирина открывает дверь и уходит. Андрей запирает замок. Разворачивается и как-то толчками идет в комнату.

А в комнате, но другой, в совсем другой квартире, в другом районе города Ирина сидит с другим мужчиной. У него немного восточная внешность, он заметно старше ее, но выглядит бодро и молодожаво.

Ирина расцвела, изменилась. Игривая, легкая. Поднимает бокал с красным вином.

- Ну, Михаил Анатольевич, с новым повышением!
- Спасибо! – Он играет бровями, как голливудский актер в старинных фильмах.
Благородный звон соприкоснувшегося стекла. Мягкие глотки. Бокалы возвращаются на столик.
- У нас там, – говорит Ирина, – такая игра: Андрей каждый месяц объявляет Варе, что его повысили. Она радуется... положительные эмоции. А тебя вот на самом деле...
- Ну что ж, можешь убедиться: повышение – это реальность... Только давай сегодня не будем вспоминать? Сегодня есть только ты и я.
- Да, ты прав. – И голос Ирины становится игривым: – А повышенные по пятницам у нас теперь допоздна не работают?
- Не работают.
- А что повышенные делают по пятницам?
Он легко берет ее на руки и несет.
- Сейчас я тебе покажу, что начальники делают.
...А потом он говорит:
- Выходи за меня замуж.
Ирина изображает удивление:
- Ты серьезно?
- Да.
- А... А кольцо где?
- Будет кольцо.
- То есть – ты готов?
- Жениться на тебе? Три года готов.
- В смысле, взять нас с Варей к себе...
На этот раз он отвечает не сразу и не так уверенно:
- Мы решим этот вопрос.
Ирина гаснет. Высвобождается – осторожно, не резко – из-под его руки. Садится на кровати.
- Каким образом?
- Давай заведем ребенка.

- А Варю куда?
- Решим...
- Она может жить с нами. Она не всегда такая.
- А когда? – В его голосе слышится раздражение. – Три раза в неделю? Ты сама рассказывала сколько раз.
- Что я рассказывала?.. Просто у нее обострения. Так бывает. И потом – она не может жить без меня и... и без Андрея. Ей нужно, чтобы мы были семьей, понимаешь?
- А мне нужно, чтобы... чтобы ты была моей семьей, Ира. Я из-за тебя ушел... от жены. – Теперь голос его прерывистый, словно говорить мешают сухие спазмы. Или рыдания. – Ты...
- Стоп! – Ирина поднимает руку. – Только не надо перекладывать ответственность. Ты ушел от жены, потому что у вас не было детей.
- Ира, сколько это еще будет продолжаться? Год, два, пять лет, всю жизнь? Просто назови хотя бы примерную цифру.
- Я тебе сто раз говорила – я не знаю. Что ты меня дергаешь? Думаешь, я сама не понимаю? – Ирина поворачивает к нему лицо, а потом ложится, приваливается его рукой. – Думаешь, я не хочу?.. Люди с ее диагнозом могут жить и до ста лет...
- Ей двадцать?
- Двадцать три.
- Невелика разница... Значит, мне не дожидаться.
- И что ты предлагаешь?
- Я предлагаю что-то решить. Либо мы с тобой живем нормальной семьей, рожаем ребенка, либо...
Ирина перебивает вопросом, боясь услышать, что будет за этим вторым «либо»:
- Что – либо?
Но он твердо договаривает:
- Либо не живем вообще. Извини.
Они долго лежат вот так, рядом, с его тяжелой, надежной рукой на ее груди. Молчат. Потом Ирина без вызова на спор, искренне, бессильно спрашивает:
- А дочь ты мне предлагаешь куда? Выкинуть на помойку?
- Я уже сказал – мы решим. Я не враг твоей дочери, но нужно решить... Мы решим.
- Ни одна сиделка не справится.
- Просто поверь, я обо всем договорюсь. Да, это непростой выбор, но так будет лучше.

С кровати рано или поздно надо подниматься. И вот они снова в комнате, одетые. Помятые и усталые, как после тяжелой, но необходимой ра-

В коллективе – праздник. Такие торжества всегда смущают, стесняют, есть в них доля искусственности. Но все равно они объединяют: некоторое время работники в своих офисах и кабинетах могут побыть просто людьми...

боты. Не смотрят друг на друга, вино глотают шумно и жадно... Ирина, будто ее заставляют, говорит, выдавливая фразы из глубины себя и бросая их не тому, кто рядом, а в мир, в пространство:

– У нее это проявилось в пять лет. До этого она была нормальным ребенком. Если бы мне сказали при рождении, в роддоме, что будет так, я бы отказалась. Да, я знаю, это ужасно, но я бы отказалась. Если бы я знала, что меня ждет... Но ей было уже пять. Сначала она просто странно вела себя – говорила, что слышит какие-то голоса, что у нее друг Коля – невидимка. Мы думали, что она так разыгрывает нас, дурачится. Потом странные фантазии, потом начались приступы самоагрессии – стоит и ковыряет руку гвоздиком... Когда мы пришли к врачу, нам сказали: «Ничего страшного, просто пропейте вот эти лекарства». И только в десять мы поняли – надежды нет, будет только прогрессировать. Болезнь будет прогрессировать... Но она все равно моя дочь, понимаешь? Да?

– Да, – эхо от Михаила.

– Нам надо расстаться... Ты скажи. Я взрослая женщина, я пойму... Да?

Он взял ее за руку. Подержал. Отпустил. И ответил:

– Да.

В больнице. Пожилой врач рассматривает бумаги, явно оттягивая приговор. Андрей и Ирина смотрят на него и ждут.

- Ну что я вам могу сказать, господа родители... Что могу... Регресс, регресс очевидный. Состояние ухудшается и будет ухудшаться... А вы не хотите ее к нам в стационар на месяцок?
- Она не выносит чужих людей.
- Мы ее сюда привезли под феназепамом. Врач покивал на эти слова, еще покопался в бумагах.
- Хорошо. Я вам выпишу сероквель в больших дозах. Она с него поначалу будет все время спать. Это нормально...
- А как-то этот регресс можно замедлить? – спросил Андрей.
- Совет один: меньше стрессовых факторов.

Вышли в коридор. На диванчике Варя под присмотром санитарки. Смотрит перед собой, не замечая родителей.

– Спасибо вам, – улыбнулась Ирина санитарке. – Варюша, пойдем домой.

Девочка не реагирует.

– Пошли, красавица, – трогает ее за плечо Андрей. – Вставай...

– Ты сколько ей дал сегодня? – Ирина приседает на корточки, заглядывает ей в глаза.

– Три.

– Много. Давай по две.

– Я дал две. Потом еще одну, когда увидел, что нет эффекта.

– Эффекта... Ведь есть инструкция.

– Сама приходи и давай по инструкции.

Ирина ненавидяще смотрит на Андрея. Хочет что-то сказать – злое и острое. Сдерживается. Тянет дочку с дивана:

– Варюша, пойдем, пойдем, родная.

Ведут ее по коридору. Варя двигается, как кукла.

Варя спит. Родители стоят над ней.

– Все, я пошел, – шепчет Андрей, – у меня лекция.

– Не опаздывай вечером.

– Ты сегодня опять на ночь?..

– Нет.

– Отлично. Спасибо тебе... Антоха с Дашкой обрадуются.

– Чтоб у них прыщи повылазили.

– Зачем ты так?

– А зачем ты радуешься, что мне никуда не надо?

– Потому, – он запинаясь, – потому что это значит – я смогу провести вечер с семьей.

– Давай, иди к своей семье. – И неожиданно шепот Ирины превращается в крик. – Вали! Вали, раз тебе по хер на родного ребенка!

– Тихо... Разбудишь... – Но Андрей сам начинает кричать. – Что ты орешь? У меня там тоже ребенок, и я его тоже люблю.

– Легко любить здорового ребенка. Правда? А? Правда? – Ирина хохочет в истерику. Андрей смотрит на нее, потом пятится из комнаты. Исчезает.

В коллективе – праздник. Такие торжества всегда смущают, стесняют, есть в них доля искусственности. Но все равно они объединяют: некоторое время работники в своих офисах и кабинетах могут побыть просто людьми...

На кафедре собралось человек пятнадцать – преподаватели, аспиранты. Крупная женщина с букетом цветов и конвертиком говорит и официально, и одновременно душевно:

– Мы поздравляем Бориса Ростиславовича с рождением первенца! Это большое событие... Борюсь, с наследником тебя! Мы тут всей командой собрали немного – пожалуйста, прими!

Виновник торжества, не очень молодой, кланяется и улыбается как бы извиняясь.

– Да вы что, ребята... Спасибо...

– Поздравляем! Поздравляем!

Принимает цветы, конвертик. Андрей смотрит на него с печальной завистью, что ли. Или задумавшись о своем.

Ирина дома, на кухне. В расстегнутом халате, под которым кружевная сорочка. Ноги закинула на стол. В ушах наушники. Покачивает головой в такт неслышной мелодии, подпекает без слов. На столе полупустая бутылка вина, бокал. В руках – телефон.

Входит Варя. Смотрит на мать заспанными, припухшими глазами. Ирина замечает взгляд, оборачивается, выдергивает наушники, убирает ноги.

– Проснулась?

– Ты чего, мамочка?

– Так... Отдыхаю.

– А папа?

– Папа скоро придет... Иди ко мне.

Дочка подходит, Ирина обнимает ее:

– Любовь моя, девочка моя хорошая. Я очень тебя люблю, правда-правда.

– И я тебя, мамочка.

Подержав в объятиях, отпускает. Дает ей таблетки, просит:

– Иди поспи еще. Тебе надо больше спать. Папа скоро придет... Иди, доченька.

Девочка медленно уходит. Ирина возвращается

к телефону. Регистрируется в «Тиндере», загружает туда свое фото в купальнике. И тут же получает лайк. Ставит лайк в ответ.

Праздник с кафедры переместился в ближайшую пивную. Остались одни мужчины.

Каждый глоток сопровождается коротким и простеньким тостом, пожеланием, шуткой:

– За пацана!

– Чтоб мужиком вырос!

– Ура!

– Вообще, Боря, вы с Ленкой – мо-ло-д-цы!

– Главное – и процесс приятный, и результат радует.

– За приятные процессы и результаты!

У Андрея звонит телефон. Он смотрит на номер и болезненно морщится. Но отвечает:

– Да? – Слушает, и лицо его расправляется. – Спит? Ну, я не приду тогда, ладно?.. – Еще слушает, и лицо снова стягивает гримаса. – Сколько стоит сероквель?! Хорошо, я переведу... Или куплю сам. Да...

Звонок в дверь. Ирина вскакивает и бежит в прихожую. Открывает.

На пороге молодой парень.

Несколько секунд они изучают друг друга. Парень говорит:

– Привет. Как дела? Можно?

– Привет, – отвечает Ирина грудным, привлекающим голосом. – Хорошо дела. Входи.

И когда он входит, жадно целует его. Парень обнимает Ирину.

Так – обнявшись и продолжая целоваться – они двигаются в сторону спальни. И натыкаются на Варю.

– Мама, кто это?

Ирина прикрывает собой парня:

– Варюша, иди к себе. Я сейчас...

– Кто это?!

– Это папа. Иди...

– Мама, не-ет! Это восьмерка! Он хочет меня убить. Мамочка, это восьмерка!

Варя закрывает лицо руками, сжимается и кричит. Страшно и громко. Парень пятится к прихожей, бормочет:

– Предупреждать надо о таких сюрпризах...

– Варюша, это галлюцинация. – Ирина сжимает ее в объятиях, гладит по волосам быстро-быстро. – Успокойся, нет никакой восьмерки. Только мы, мы вдвоем.

– Это восьмерка...

Варя сползает на пол и корчится в судорогах.

Больничный коридор. Скамейка. На ней двое. Он и она.

Сидят, глядя в пол, плечи у обоих обвисли, шеи согнулись, устав держать головы.

Мужчина делает попытку взять руку женщины в свою. Она отдергивает:

- Не трогай меня...
- Пожалуйста...
- От тебя пойлом несет. Ты празднуешь, а нам здесь...
- От тебя, кстати, тоже.

Вместо того чтобы разозлиться, Ирина прижимается к Андрею, прилипает к нему. Закрывает глаза.

Тихо, пусто, длинный коридор в обе стороны, двери в стенах, ровные прямоугольники ламп на потолке, чистота и симметрия вызывают тоску. От этой тоски, наверное, способен освободить только сон. И Андрей тоже закрывает глаза.

Лицо разгладилось, помолодело, появилось подобие улыбки – так бывает, когда человек задремал и увидел нечто хорошее... И почти сразу его выбило из этого состояния: он вздрагивает, достает из кармана телефон. Тот беззвучно дрожит.

– Алло... Нет, сегодня не приеду, – шепчет Андрей как можно тише. – Я пока нужен здесь...

Ирина продолжает сидеть все в той же позе, привалившись к Андрею, но глаза ее распахнуты. В них ни следа сонливости и усталости. Они горят отчаянием.

Кухня в квартире Ирины. Порядок. Из окна бьет яркий солнечный свет. Рама стеклопакета приоткрыта, слышна веселая перебранка воробьев.

Андрей сидит на диванчике. На лице умиротворение, почти блаженство. Ирина замерла возле плиты. Срабатывает таймер; она выключает духовку и вынимает большую, высокую пиццу.

– Варюша! Варюша, иди завтракать!
Варя входит так быстро, словно стояла за дверью.

- Видишь, как и обещала – на завтрак твоя любимая пицца со всем-всем-всем!
- Мама. – Варю трясет. – Они везде.

Лицо Андрея мгновенно превратилось в клубок морщин, рот перекошен:

- Доченька, кто?
- Цифры и буквы. Восемь и шесть хотят меня убить. Семерка добрая, но она мне совсем не помогает... Еще есть буква Е, мне от нее страшно...
- Доченька, не бойся... Не бойся. Это всего лишь галлюцинации. Нет никаких букв и цифр. Тебе просто кажется... Мы с тобой, мы рядом. Иди сюда.

Варя садится рядом с Андреем. Он гладит ее по голове однообразными, механическими движениями.

Ирина ставит пиццу на плиту, пристально смотрит на мужчину. Спрашивает, будто что-то подзрвая:

- Почему сероквель не помогает?
- Ты меня об этом спрашиваешь?
- Ты ведь его принес...
- Я купил в обычной аптеке. В рецепте отметка есть. Что я, с рук его где-то...

Ирина медленно отмахнулась и отвернулась к стене.

- После долгой паузы глухо произносит:
- Ты останешься? Ты ведь видишь, в каком она состоянии. Я одна просто выброшусь...
 - Я останусь, останусь. Отменю лекции и останусь. В его голосе и сочувствие, и досада.

Та же кухня; Андрей на том же месте. За окном темно. На столе тарелка с краешками пиццы, неубранной посудой. Ирина медленно бродит от плиты к столу и обратно, потом уходит вглубь квартиры. Возвращается.

- Спит. И ты иди... спать. В четыре разбужу, сменишь.
- Да нет, я с тобой посижу.
- Зачем со мной сидеть?

Андрей смотрит на Ирину замершим взглядом, затем, будто что вспомнив, дергает плечами:

- Просто спать не хочу.
- А я постоянно хочу. Но не могу. Приятно только, когда глаза закрыты – не вижу ничего...

У нее жужжит телефон. Ирина сморит на экранчик, и в первый момент на лице появляется радость, но тут же сменяется тревогой.

- Да, мам? Приве... Что?.. Когда?.. Да, конечно, приеду. Приеду. – Сбрасывает вызов, хмыкает: – Ну вот, для полной картины мира... Бабуля умерла.
- Поедешь на похороны?
- Ну а как...
- Сейчас такой момент...
- Она меня вырастила, можно сказать...

Их голоса ровные, спокойные, ни нотки эмоций. Так говорят очень уставшие люди. Выгоревшие дотла.

- Давай ты потом к ней на могилу съездишь, – предлагает Андрей.
- Потом... А мама? Как она без меня справится?
- Там есть люди. Помогут...
- Они чужие.

Ирина и Андрей сами прислушиваются к тому, как они говорят. Это какой-то спор трупов.

- Надо, – говорит она.

– Останься, – говорит он. – Как Варя? Как я один с Варей?

– Ну как-нибудь... Андрей, пожалуйста... – В голосе Ирины появляется жизнь. – Ты что, не понимаешь? Ты не понимаешь, что у меня вообще-то бабуля умерла? Она мне все детство ближе мамы... Мама работала, а бабуля...

Она собирается заплакать. Андрей сажает ее рядом и гладит по голове так, как утром гладил Варю.

– Хорошо. Хорошо. Прости. Да, поезжай, конечно, я пока здесь поживу... Все хорошо будет... Хорошо, хорошо...

Ирина обмякает и плачет. Но без рыданий, и не тяжело, а с облегчением, что ли. Андрей смотрит в окно, за которым много-много других светящихся окон.

В дверь звонят. Но не как гости – непрерывная трель.

Андрей соскочил с дивана, побежал открывать. На пороге – Даша с Антоном.

– Папа, пошли домой, – требовательно и явно наученно говорит сын.

– Понимаешь...

Даша, подталкивая перед собой Антона, входит в квартиру.

– Андрей, собирайся, у тебя ребенок.

– Даша, но ведь я объяснял.

– Пошли домой.

– У Вари приступ, и... сейчас сообщили только... у Иры бабушка умерла, я не могу...

Голос Даши делается стальным:

– У тебя ребенок, пошли домой.

И Антон от этого предвещающего ссору голоса начинает хныкать:

– Папа, пошли... пошли, пожалуйста... Папа-а!

– Тихо! Антошка, тихо.

Андрей берет его на руки.

– Я с тобой. Видишь, я же с тобой.

– Андрей, пошли домой.

– Даша, я не готов разговаривать в таком тоне.

– А я не готова так жить. Это не жизнь... Пошли быстро домой! У тебя ребенок, ты хоть это можешь понять?!

В прихожей появляется Ирина. Протягивает Даше блистер феназепам.

– Две таблетки под язык. И вон из моей квартиры.

Ирина поехала на похороны. Здесь недалеко, да и новые поезда «Ласточки» быстрые. Все отлажено. Отправление минута в минуту, редкие и короткие остановки на станциях небольших городов. На одной из таких станций ей выходить. Потом око-

ло часа на автобусе. Расписание знает, поэтому опоздать не боится. Да и ничего сейчас не боится. Скорее, радуется, что обстановку сменила. Смотрит в окно. В городе весна всюю, а здесь поле покрыто лоскутами снега. Поле обрывается оврагом. За ним – изгородь. Стайка собак. Во главе крупная, явно не беспризорная. Бежит легко, широко. А за ней несколько лохматых дворняг. Они нюхают землю, покусывают и отгоняют друг друга от бегущей впереди...

Большой деревенский дом. К Ирине, сбивающей с сапог грязь у крыльца, выходят мать и Света, женщина примерно одного с Ириной возраста.

– Ирочка, я так ждала тебя! – И, положив ей голову на грудь, мама начинает плакать.

– Мама, не надо... Не надо, мамочка...

– Бог прибрал. И мы отмучились, и она отмучилась...

– Бабушка хорошо пожила, – подтверждает Света и уж потом обнимает и здоровается с Ириной:

– Привет, сеструха.

– Привет... Спасибо, что с мамой.

– Тетя Катя и мне как мама...

Вошли в дом.

Ирина осматривается. Зеркала завешены, а гроба нет.

– А где она?

– В морге. Сейчас всех поселковых в город увозят. Оттуда уже на кладбище...

Мама перебивает Свету:

– Как ты, доченька? Как доехала?

– Да нормально. Доехать теперь не проблема...

– Как Андрюша?

– Тоже хорошо.

– Ну хорошо, хорошо... А? – смотрит на дочь, но не решается задавать новый вопрос, вместо этого всплескивает руками, будто что вспомнила: – Так, надо за водкой идти. А то эти раскупят, и на поминки не достанется.

Света гордо сообщает Ирине:

– В кафе поминки организуем, в «Лакомке». Я с ними договорилась за тридцать процентов скидки...

Деревенские, поселковые поминки – они почти всегда одинаковы. Длинный стол, все знакомы, съехались с разных краев, многие не виделись по нескольку лет. И после первых тостов на ушедшего, компания разбивается на кучки по три-четыре человека. Чаще всего так и рассаживают, чтоб не молчали за столом всю дорогу, говорили... Ирина сидит

Деревенские, поселковые поминки – они почти всегда одинаковы. Длинный стол, все знакомы, съехались с разных краев, многие не виделись по нескольку лет. И после первых тостов на ушедшего, компания разбивается на кучки по три-четыре человека.

рядом со Светой и матерью в окружении старух – подруг покойной.

– Свет, как дети? – спрашивает Ирина.

Света пожимает плечами, точно вопрос и не требует ответа:

– Да нормально. И шкодят, но и учатся, надо отдать должное. Нормальные, в общем, растут. Не пропадут.

Ирина кивнула, без всякого желания хлебнула кутьи... Света поняла, что ждет ответных вопросов. И спросила:

– А ты как, сеструнчик?

– Сойдет.

– Не звонишь совсем...

– Ты тоже.

– Да я с детьми как белка...

– Понятно... Я тоже, в общем, не отдыхаю.

– Ой, тебе, Ир, не позавидуешь...

Одна из старух долго глядявалась в лицо Ирины и наконец спросила неуверенно:

– Светочка?

Мать Ирины поправила:

– Баб Шура, это Ирочка, моя дочь. А Светочка – дочь моей сестры, Нади, вот она сидит.

– Я – Светочка, – подтвердила Света детским голосом, – а это – Ирочка...

– Ирочка... Это у которой ребенок дурачком родился?

– Не обращай внимания, – приобняла мать Ирину, – она не в себе... – И другим тоном: – Что, помянем

матушку мою! Восемьдесят три года... Могла бы еще пожить. Если бы не болезнь эта...

– Да, – закивали гости, – болезнь ее изъела. А ведь до последнего в уме была, советы давала...

Ирина с мамой пришли в церковь. Церковь крошечная, недавно построенная. Внешние стены из профлиста, внутренние – из пластиковой вагонки. Икон мало, людей тоже. Холодно. Отопления в церкви нет...

Батюшка читает молитвы, хор – две пожилые женщины – повторяют слова нараспев в положенных местах.

Мать шепчет Ирине:

– Платочек поправь. Сейчас на исповеди к батюшке подойди...

– Зачем?

– Прощения попроси...

– За что?

– Ну... За то, что курила всю беременность, вот Варвара такой и родилась...

– Мама! Ее заболевание не зависит от курения! Это генетическое!

– Тише... Да не было у нас в роду психических.

– Откуда ты знаешь?

– Не было у нас...

– И не психических, а... генетическое.

– Что?

– Все...

– Вот и все. А к батюшке все равно подойди...

– Все, я сказала!

Служба кончается. Прихожане становятся в коротенькую очередь на исповедь. Мать тянет туда Ирину. Ирина не сопротивляется.

– Все ему расскажи. Он хороший у нас, батюшка, прозорливый...

Ирина хмыкает саркастически:

– Все расскажу, от самого рождения, не переживай.

– И не кривись, ради Бога!.. Здравствуйте, отец Алексей. Вот дочку привела.

Мать с поклонами пятится в сторону. Батюшка разглядывает Ирину. Видимо, ждет от нее слов, может быть, приветствия. Ирина смотрит в пол.

– Как зовут? – Батюшка делает голос строгим.

– Ирина.

– Хорошее имя. Была такая великомученица Ирина, знаешь? Вот у кого стойкости нужно учиться. Почитай про Ирину Македонскую, почитай, и духом укрепишься... Ну, с чем пришла, Ирина?

– У меня... В общем, у меня дочка. И у нее шизофрения. Уже двадцать три года ей. Из-за этого мы с мужем вынуждены жить вместе, хотя давно не

любим друг друга. Вернее, мы разведены, у него другая семья, но почти всегда он рядом с ней... с дочкой.

- Значит, это ваш крест. Господь не дает нам испытаний, с которыми мы не могли бы справиться.
- Так мы уже справились! Мы уже двадцать лет как справились! Мы – хорошие родители. Господь может нам поставить пятерку. Да пусть что угодно поставит – хоть двойку, хоть кол. Только пусть это прекратится...
- Батюшка опускает голову и молчит.

День рождения Антона решили отмечать в детском кафе. Дети, быстро поев, убежали в игровую зону. Некоторые родители остались за столом, другие наблюдают за чадами. В их числе и Андрей с Дашей. Антон лазает по канатной дорожке.

- Смотри, как он хорошо держится! – восторгается Даша. – Может, отдадим его на скалолазание?
- Это, наверное, дорого...
- У тебя все дорого.
- Ну ты чего... Отдадим, конечно, отдадим, я все узнаю, и отдадим...
- Сам все узнаешь?
- Сам узнаю.
- Ловлю на слове.

Андрей улыбается, сдерживая раздражение:

- А кафе кто нашел? А торт такой выбрал?
- Ты, ты, любимый! – Даша обнимает его. – Ты у меня вообще золото. Когда захочешь.

Только вернулись домой с праздника, у Андрея задрожал телефон. Короткий взгляд на экран, и лицо изменилось.

- Алло? Да. Еду.
- Что опять? – В голосе Даши булькнули рыдания; они в последнее время, кажется, постоянно там, в самом начале горла.
- Варя...
- Дальше можешь не рассказывать.
- Я нанял сиделку, заверили, что у нее опыт...
- Не могу больше слышать про это!...

Андрей надевает куртку, которую еще не успел повесить на крючок.

Антон с шаром в виде корабля в одной руке, другой хватая Андрея за рукав:

- Папа! Папочка, ты куда?
- Я сейчас сбегая в одно место и вернусь.
- Папочка, не уходи!
- Я быстро-быстро...

Антон выпускает шар, вцепляется в отца, начинает реветь. Шар постукивает о навесной потолок.

- Котик, папе надо по очень срочным делам.
- Папа, не уходи! Я загадал, чтоб ты не уходил! И на, уходи!
- Даша, возьми его...
- А что я? Объясни ребенку, куда тебе надо...
- Зайчик, посмотри на меня... Я сейчас съезжу на полчаса и вернусь. Хорошо?
- Нет! Не уходи!
- Андрей отцепляет сына, слегка отпихивает от себя и выскакивает за дверь.

В прихожей Ирининой квартиры столкнулся с сиделкой. Та сразу начала испуганно-возмущенной скороговоркой:

- Она в ванной заперлась и сидит. Уже больше часа ни звука... Вы не предупредили меня, что она так кричать будет... Бегать, опрокидывать все... А потом закрылась, и все... Я чуть с ума тут не свихнулась. Буквально!.. Вы извините, но я от нее отказываюсь... Любой бы отказался. Это вам санитара надо нанимать с ней сидеть, а не сиделку...
- Хорошо. Деньги за эти сутки я вам на карту переведу.
- Если можно – без напоминаний.
- Сегодня же. Разберусь и сделаю.

Сиделка уже обута. Выходит тихо, не прощаясь. Андрей стоит у двери ванной.

- Варя, открой... Варюша, принцесса, это папа...
- Варя открывает дверь. Молча прижимается к отцу.
- Прости, красавица... Я больше не буду тебя оставлять. Ты испугалась, да? Она на тебя кричала?
- Варя молчит.
- Ну пойдем в комнату, пойдем...
- Варя не двигается с места. Андрей берет ее на руки, несет в комнату.
- Сейчас ляжешь, поспишь. И все пройдет. И все будет замечательно. Я тебе обещаю, красавица.

Света пригласила Ирину к себе. Дети уложены, сестры сидят на кухне. На столе бутылка вина, под столом еще две, уже пустые.

- Как жить, – тихо и бесцветно говорит Ирина, – если он вообще, вообще больше не позвонит...
- Значит, он – не твой человек.
- Да мой он человек, мой. Михаил – прекрасный человек. Просто все невозможно... Невозможность... Я с ума схожу, Свет. В церкви чуть истерику не устроила. Вот сейчас твоим перед сном читала, и там где: «Родила царица в ночь не то сына,

не то дочь, не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку...» – прямо задохнулась. Варя перед глазами встала со своей этой улыбкой, когда приступ...

– А я своему тут, прикинь, написала: «Ты когда алименты нормальные присылать начнешь?» А он мне сердечко в ответ прислал...

– Романтик...

Света начинает смеяться, Ирина сначала подхихкивает как-то со всхлипами, а потом откровенно ржет.

– Романтик хренов!..

Ночью, лежа на раскладном кресле, Ирина написала Михаилу: «Привет. Спишь?» И телефон сразу булькнул ответной эсэмэской: «Нет». – «И я – нет».

Михаил встретил ее у вагона. Принял сумку. Не обнял, но в глазах Ирина увидела радость. Такую грустную радость...

– Как ты? – спросила.

– Плохо.

– Я тоже.

– Видишь, как мы похожи...

Ирина улыбнулась. Потянулась к лицу Михаила. Он слегка отклонился.

– Дай козюльку из глаза уберу.

– Что? Какую козюльку?

– Козюлистую...

Промокнула платком Михаилу глаз.

– Сама ты козюлька моя... – Обхватил, вжал в себя, стал целовать.

А потом она оказалась дома... Стояла рядом с Андреем у кровати, на которой неподвижно сидела Варя, глядя в одну точку.

– Почему она молчит?

– Не знаю, – хрипловато, как долго молчавший человек, ответил Андрей.

– Ты ее оставлял?

– Нет.

– Не ври. Я чувствую, когда ты врешь.

– Один раз.

– Сука.

– У сына был день рождения.

Ирина взглянула на него с ненавистью и как-то затравленно. Спросила мягко:

– И что мы теперь будем делать?

– Покажем Абраму Марковичу.

– Ты давно это решил?

– Как только случилось.

– И когда случилось?

– Позавчера днем... Ближе к вечеру.

– А почему сам этого до сих пор не сделал?

– Тебя ждал.

– Ты его телефон забыл? – Мягкость из голоса исчезла, ее сменила злая издевка: – Почему все в этом доме на мне?

– Прости... Так получилось.

– Так получилось... Детский сад. У меня вот слово засело: невозможность. И ничем его не убрать. Стучит и стучит: невозможность, невозможность. Ни-че-го невозможность. Понимаешь?

Андрей не отвечал. И не смотрел на нее.

Стоят у ворот психоневрологического диспансера. Глядят в разные стороны, глубоко дышат. Они закончили тяжелое, но необходимое дело.

– Слава богу, не стала кричать. Я не могу выносить этот ее крик...

– Она верит Абраму Марковичу.

– Верит, – с усмешкой повторила Ирина. – Просто лекарствами накачали.

– Лекарства не все решают. Я чувствую – она знает, что это ей поможет...

– Все, хватит твоих фантазий. Нужно составить график посещений...

– Давай по ватсапу. У меня лекция. Я побежал.

– Беги, заяц, беги! Желательно, из моей жизни навсегда!

– Да? Не ты ли мне названиваешь по любому поводу.

– Болезнь дочери, это для тебя повод? Ну ты и сука!

– Стерва.

– Козел... козлина.

Андрей срывается с места. Через минуту его не различить среди других пешеходов.

Столовая в университете. За столом, на котором подносы с нехитрым обедом, сидят Андрей и Борис, рождение сына которого отмечали несколько месяцев назад.

– Ты чего такой квелый последнее время? – спрашивает Андрей; сам он после госпитализации Вари слегка воспрянул.

Борис ковырнул вилкой пюре.

– Да там... Короче...

– С женой что?

– Почти... С ребенком.

– Что – с ребенком?

– Сказали, ДПП. Возможна умственная отсталость... Сначала вроде как подозрение, складки на симметричность сравнивали, тонус, а на днях – объявили. Процент ошибки мизерный...

– Ясно.

Борис польхнул на это слово злым взглядом, но, кажется, вспомнил, кто перед ним, и заговорил тихо, быстро, захлебываясь:

– Я не смогу... Андрей, я не выдержу. Я не такой сильный, как ты... Я как представляю... Это ведь безнадежно. На всю жизнь... Вдуматься не могу – на всю жизнь.

– Значит, уходи сейчас. Исчезни для них. Потом ты уже не сможешь.

Борис оторопел от совета. Вернее, от спокойно-го тона, каким он был дан.

– Но... Просто это... Как с этим жить?

– Всем приходится с чем-то жить. Знаешь, что самое страшное в этом во всем? Невозможность. Жена моя недавно изобрела термин. Бывшая жена... Невозможность... Это когда твой пятилетний ребенок уже третий час бьется головой о стену и ты ничего не можешь сделать... И двадцатилетний бьется. И сорокалетний будет биться. И ты ничего не сможешь... Невозможность.

Воскресенье. Аквапарк. Андрей, Даша, Антон вместе. Плещутся в бассейне для дошкольников. Андрей весел:

– А кто быстрее добежит вон до той горки?

– Я! – кричит сын и, вскидывая ноги, брызжа водой, бежит к цели.

Андрей с Дашей идут за Антоном.

– А хороший аквапарк. Надо запомнить это место, да?

– И ловить от тебя подачки внимания в виде походов сюда? – добавляет Даша.

– Ну почему ты все наши разговоры переводишь на эту тему?

– Потому что я устала.

– Ну сейчас же я с тобой...

Даша смотрит на Андрея внимательно и словно бы что-то осознавая.

– Со мной. Да. Со мной... На месяц? Или на сколько там ее положили? А потом?

– Слушай, потом будет потом... Что-то придумаем.

– Папа! Мама! – кричит с горки Антон. – Я еду!

Андрей машет рукой:

– Вперед!

– В общем, Андрей, я все решила. На этот раз окончательно. Выбирай – либо мы, либо они.

– Это ультиматум?

– Да. Даю тебе месяц на раздумья.

Даша поднимается на горку и съезжает по ней в бассейн вслед за сыном. Лицо серьезно и сосредоточенно.

В комнате встреч диспансера сидят Ирина и Варя. Ирина держит Варю за руку, осторожно мнет ее пальцы.

– Как ты, Варюш?

– Нормально. Как все. – Голос у дочери невнятный, каждое слово произносится с усилием.

– Мы скоро заберем тебя отсюда.

Варя кивает:

– Мне доктор сказал... А почему вы не вместе с папой приходите? То ты, то папа?

– Мы ведь работаем, доча. Не всегда можем... Тебя тут не обижают?

– Нет... Мамочка, я так хочу домой.

– Скоро поедем домой. Скоро. Ты хорошо кушаешь?

– Ага. Кашу дают, суп, котлеты тоже...

Ирина зажимает рот рукой.

– Сейчас. – Выбегает из комнаты.

Ее рвет в туалете. Собравшиеся покурить женщины наблюдают и обсуждают происходящее.

– Это от запаха. Не все привычные.

– Да никто не привычный, кроме нас, психов.

– И врачей.

– Да они сами психи. С нами пообщаешься, так и поедешь кукушечкой...

Женщины смеются.

Больничный коридор. Перед дверью с табличкой «УЗИ» мается Михаил. Дверь открылась, выходит Ирина.

– Ну что?

– Беременна. Приблизительно восемь недель. Плод прикреплен правильно...

У Ирины странное лицо – не то счастливое, не то испуганное.

Михаил крепко прижимает ее к себе.

– Я не верю... Не верю...

Ирина усмехается:

– Заключение показать?

– Господи, спасибо тебе за все!

– А при чем тут господь, если это я беременна?

– Есть хочешь?

– Хочу.

– Все, едем в «Рамаду»!

Ресторан. Ненавязчивая музыка. Почти пусто – будний день.

Ирина с жадностью ест. Михаил смотрит на нее. Стол уставлен восточными блюдами и закусками.

Михаил поднимает бокал с вином и торжественно объявляет:

– Завтра ты переезжаешь жить ко мне.

– А...

- Все, это даже не обсуждается.
- Подожди...
- Ира, – Михаил, улыбаясь, тянет к ее бокалу свой бокал, – это не обсуждается.
- А с Варей что?
Его губы медленно обвисают. Ему трудно ответить. Но Михаил решается:
- Понимаешь... Ты должна понять... Для таких, как она, есть интернаты.
- То есть ты опять предлагаешь мне сдать дочь в интернат?
- А что делать? Понимаешь, мне больно это говорить. Честное слово... А если она задушит ребенка или еще что-то?
- Может быть, нанять ей постоянную сиделку?
- Ты сама говорила, ни одна сиделка не справится. Да и потом, у нас сейчас такие расходы будут... Ира, я тоже не зверь. Но там она будет под профессиональным присмотром. Там ей гарантирован уход.
- Все, замолчи.
- Я просто к тому, что не надо демонизировать подобные учреждения...
- Замолчи, я прошу тебя!
- Но ведь надо решать. Взять и решить, Ира...

В фойе диспансера входит Варя с сумкой в руках и в уличной одежде. Видит Ирину и Андрея.

- Мамочка, папочка, я так рада! Я так рада!
Андрей принимает у нее сумку:
- Как ты, котик?
- Я очень рада.
- Тебе лучше?
- Да. Да. Я теперь говорить могу, а раньше не могла вообще. Бубнила... Мамочка...
- Ну все, солнышко, едем домой... – В голосе Ирины не столько радость, сколько решимость.
- Едем, – с такой же обреченной решимостью отзывается Андрей. – Кстати, мама пиццу приготовила.
- Ура!

В детской Варя увлеченно смотрит «Пингвиненка Лоло», а на кухне Ирина выбрасывает в ведро недоеденную пиццу. Садится за стол напротив Андрея.

- Давай поговорим.
- Давай.
- Я не могу.
- И я.
- Я беременна.
- Я знаю.
- Откуда?

- Тест в мусорке увидел.
- Шаришься по мусоркам?
- Случайно.
- Что делать?
Андрей смотрит на Ирину:
- А что ты предлагаешь?
- Нет, ты предложи.
- То есть ты хочешь переложить это на меня?
- Нет, просто предложи свои варианты...
- Ну, в конце концов, мы ее не убиваем...
- Нет. Убиваем. Ее это убьет.
Андрей трет глаза.
- Я звонил...
- Куда звонил?
- Туда.
- И?
- Они примут.
- Примут... Там хорошо?
Андрей бурлит взглядом глаза Ирины. Наконец твердо говорит:
- Да. Там хорошо.
- Откуда ты знаешь? Ты там был?
- Мне сказали. Там хорошо.
Ирина отводит взгляд. Осматривает невидяще кухню. Отвечает вслух своим мыслям:
- В конце концов, это же профессиональный уход...
- Да...
- Но там правда хорошо?
- Да. Там хорошо. Меня заверили.
- Андрей... Мы – предатели?
- Нет. Мы просто делаем так, как должно быть.
- Я боюсь, понимаешь? Это же маленький ребенок. Если будет Варя – от него ведь ни на шаг тогда. У них такая ревность бывает...
- Я понимаю. – Андрей берет ее за руку. – Я все понимаю.
- Не трогай меня!
Андрей отдергивает руку и говорит деловым тоном:
- Завтра позвоню туда. Мне пора, в общем.

Полупустой и тихий бар. Андрей с Борисом сидят за столиком в углу, оба сильно пьяны. Графин, стопки и тарелка с мясным ассорти. Борис разливает водку и с какой-то даже гордостью объявляет:

- За то, что я – подлец.
- Ты не подлец, Боря.
- Нет, я – подлец. Бросил жену с большим сыном.
- Человек слаб...
- Человек – это звучит гордо, Андрюша. А я – не человек. Вот ты у нас – человек. Ты – святой.
- Даже близко нет. Наоборот...

Борис поднимает руку, останавливая его. Говорит о своем:

– Просто пойми. У меня одна жизнь. Одна. Я не хочу ее тратить на... Главное – никаких перспектив. Жить и знать, что твой сын никогда не побежит, ты никогда не сыграешь с ним в футбол, не пойдешь в поход... Знаешь, в чем-то я понимаю спартанцев...

– Не надо так.

– А как надо? Как надо? Надо положить всю свою жизнь на уход за безнадежным? Я понимаю, если бы перелом, если бы существовала гарантия...

– Не знаю, как надо... Не знаю. То есть... Во-первых, ДПП разное, разные степени... Погоди... – Андрей трет глаза, пытаясь протрезветь. – Так... А во-вторых, я не лучше тебя. Наоборот. Мечусь между двух... Жены – и черт уже с ними... Между детьми... Варя, Антоша... «Папа, не уходи...» И вот... Для всех я предатель, понимаешь... Рвусь на части, а – предатель... Короче, мы решили сдать Варю. Точку поставить. – Со стуком ставит стопку на стол. – Психонерво... В общем – интернат... Вам я ничего не советую, не смею советовать... Но если так – то никакой жизни впереди.

Борис кивает:

– Да, ты говорил. Эта... Неизбежность?

– Невозможность, Боря. Невозможность. Всего. Абсолютная.

По квартире Андрея и Ирины ходит пара.

– А вот здесь у вас плитка отколота. – Женщина трогает стену возле кухонной плиты.

Андрей отвечает бодрым голосом:

– Да, но это легко можно подклеить.

– Кухня неплохая. Какой метраж?

– Шестнадцать квадратов, – тоже приподнято говорит Ирина.

– А детскую можно посмотреть?

Андрей и Ирина переглядываются.

– Только аккуратно, – просит Андрей. – У нас ребенок нервный просто...

– Хорошо-хорошо...

Заходят в детскую. Варя смотрит мультик. Увидев незнакомых, напрягается.

– Мама, это кто? А, мам?

– Тихо, Варюша, это хорошие люди... Они сейчас уйдут.

– Смотри пингвиненка, доченька...

Пара оглядывает детскую. Мужчина удивленно кривит губы:

– А почему у вас стена войлоком оббита? Холодная сторона?

– Нет. Просто...

Ирина подхватывает тверже:

– Просто так надо... Сейчас. Войлок легко снимается.

Андрей, Варя и Ирина едут в такси. Все вместе на заднем сиденье. Родители держат дочь за руки.

Варя крутит головой:

– Мамочка, а куда мы едем?

– В одно место хорошее.

– В гости?

– Не совсем...

– А куда?

– Там правда хорошее место, – вступает Андрей.

– Я не хочу...

– Ну ты ведь его даже не видела.

– Там будет много игрушек.

– И пингвиненок Лоло, – добавляет Ирина.

– Пингвиненок? Живой?

– Конечно. Хочешь увидеть пингвиненка Лоло?

– Да.

– Ну вот. – Андрей гладит дочку по голове. – Сейчас приедем, и ты все увидишь...

Андрей с Ириной подписывают документы в кабинете. Доктор, сидящий напротив, холодно смотрит на них.

– Это все? – спрашивает Ирина; доктор кивает:

– Это все.

– А?

– Я же сказал – это все.

– До свидания?..

– Да.

Андрей и Ирина покидают кабинет и идут к выходу. Из соседнего кабинета появляется Варя.

– Мама! Папа! Подождите! Тут нет пингвиненка! Подождите!

Она делает движение побежать к ним. Санитар аккуратно обхватывает Варю. Вместе они пятятся обратно в кабинет.

– Я здесь! Я здесь! Не уходите... Мамочка!

Ирина оборачивается и идет на голос. И теперь Андрей обхватывает жену так же, как санитар, и уводит.

Крики дочери становятся тише и вот заглушаются шагами по плиткам пола.

Детская Вари. Войлок со стены снят. Светлое пятно обоев... Андрей и Ирина разбирают дочки вещи. Что-то в сумки, что-то в черные пакеты для мусора. Ирина находит стопку рисунков. Садится на кровать, перебирает.

– Одни дельфины... Помнишь, какая она в детстве смышленная была? Как стихи читала? И дельфинов рисовала... Ты ее научил, я помню...

Андрей вырывает рисунки у нее из рук. Рвет их на части.

– Мы должны были! Должны, понимаешь? Хвост собаке нужно рубить быстро! Помнишь Бориса? С моей работы... Так вот он, когда стало ясно...

Ирина плачет.

Андрей садится рядом, в руках половины разорванных листов. Очень тихо. Непривычно тихо в этой квартире, где постоянно звучал тонкий голосок двадцатитрехлетней женщины: «Мамочка! Папочка!»

Новая жизнь. Это заметно по походке Ирины, по ее расправленным плечам, прямой спине. Она снова чувствует себя подарком этому миру. И несет ему в себе новый подарок.

Она в торговом центре. Ей некуда спешить. Катается на эскалаторах, переходит из отдела в отдел, рассматривает вещи. Покупает дорогие игрушки, ползунки, слинги, пинетки для новорожденных. Когда Ирине что-то особенно нравится, лицо ее становится как у молоденькой девушки.

Даша с Андреем смотрят телевизор, лежа на тахте. Андрей обнимает Дашу. В комнату заходит Антон.

– А ну-ка спать! – привычно требует Даша.

– Не хочу-у.

Андрей не очень смело предлагает:

– Пусть с нами полежит... Давай сюда!

Антон забирается между ними. Некоторое время лежат молча. Из телевизора несутся звуки какой-то погони.

– Как хорошо, что мы вместе, – говорит Антон. – Раз, два, три... Папа, тебе больше не надо будет бегать?

– Не надо, сынок. Больше не надо.

– Ура!

Антон вскакивает и прыгает на тахте. Ни Даша, ни Андрей не делают ему замечания.

Ночь. Полная темнота в спальне. Только светятся красные точки на телевизоре, удлинителе, музыкальном центре. Тихо. Но вот шорох постельного белья и следом щелчок. Загорается ночник. Ирина медленно поднимается с кровати, делает шаг, другой и хватается за живот. Со стоном выходит из спальни.

Через минуту возвращается и будит Михаила.

– Миш... Миш... Я скорую вызвала...

– Что случилось?

– Больно... И там кровь...

Михаил резко встает, начинает одеваться.

– Какие действия? Что-то в больницу нужно обратиться?

– Миш... Мне страшно.

– Все нормально будет. Я читал, так бывает у беременных. Все нормально. – Он повторяет эти два слова как заклинание. – Все нормально.

Ирина в больнице. Кабинет УЗИ. Молодой врач с лицом гоповатого парня водит по животу сканером и смотрит на экран.

– Что там? – спрашивает Ирина. – Все нормально?

– Помолчите, пожалуйста. – Голос парня наигранно строгий. – Время исследовать и время анализировать исследуемое...

Он не договаривает. Замирает. Снова водит сканером и снова замирает.

– Елена Геннадьевна, – теперь голос его с хрипловатой визглинкой, – посмотрите...

Из соседней комнаты выходит немолодая женщина. Всматривается в монитор.

– Ой...

– И как же они это просмотрели? – жалобно и недоумевающе спрашивает парень.

– Вот такие у нас глазастики работают. – Женщина выпрямляется и поворачивается к Ирине: – Боюсь, вам придется у нас задержаться.

Андрей в зале банка. В руке квиток с номером. Посматривает на табло. Раздается автоматический голос:

– Клиент с номером «Е 098», подойдите к окну номер три.

Андрей вскакивает, подходит к стойке, за которой сидит оператор.

– Я хочу положить деньги на депозит для сына на двенадцать лет...

– Документы ребенка. И ваши.

– Пож-жалуйста! И ребенка, и мои!

Палата на четыре койки. Ирина только-только отошла от наркоза. В палату заходит врач.

– Ирина Юрьевна?

– Да.

– Я вас поздравляю.

– С чем?

– Еще бы месяц, другой... Вовремя пришли.

Ирина смотрит на врача и явно боится что-либо спросить. Врач меняет интонацию:

– Скажите, а вам никогда не говорили, что у вас рак матки?

- Нет. Я до беременности давно не проверялась.
- Очень плохо. Очень. Мы ведь давно не в каменном веке живем... Пришлось удалить. К сожалению.
- А ребенок?
- Гм... Видите ли, вне матки плод развиваться не может. Но хорошая новость в том, что мы вовремя заметили... То есть, по сути, спасли вас. Но нужно наблюдаться...
- А ребенок?
- Извините...

Врач уходит.

С соседних коек на Ирину смотрят женщины. Молчат, не сочувствуют. Может быть, со всеми ими произошло такое. Такая беда.

Ирина медленно берет с тумбочки телефон, медленно находит номер Михаила. При каждом нажатии на кнопки раздается жалобный короткий писк.

– Привет, – говорит устало, но приподнято. – Все нормально. Буду жить... Только... Миша... Мне удалили матку...

Долгое молчание в трубке. Ирина ждет, глядя вверх. Туда, за потолок.

– Ира, – голос Михаила, – извини, я не смогу без детей.

И дальше – мертвая тишина в трубке.

Андрей смотрит телевизор. На полу у его ног Антон играет в телефоне.

- Антош, дай телефон.
- Ну па-ап!
- На минуту, мне одну вещь надо глянуть.
- Какую вещь?
- Погоду.
- Посмотри на маминим. Я только уровень прошел...
- Я пароля не знаю.

Антон рисует в воздухе горизонтальную восьмерку.

- Вот такой.
- Такой знак пароля?
- Угу. Кренделек.

Андрей идет в спальню. Даша спит, уютно, как-то удовлетворенно посапывая. Еще рано для сна, но эти месяцы были такими трудными. И для нее, конечно, тоже...

Андрей нерешительно берет ее телефон, снимает блокировку знаком, который показал ему сын. На Андрея начинают сыпаться сообщения: «Киска, ты как?», «Вспоминаю наши ночи», «Фоточка в белье – огонь». Андрей замирает. Даша открывает глаза, сладко потягивается. Андрей оборачивается к ней, и по его лицу она все понимает.

– Тебя постоянно не было. Мне было одиноко.

- Ты их прямо сюда водила...
- Даша усмехается, будто услышала глупость.
- Нет, конечно. Ездила, пока Антон спал. И вообще, кстати, какого хрена ты делаешь в моем телефоне?
- Как так? Я ведь...
- А надо было с семьей жить, а не со своей полоумной...
- Заткнись!

Даша вздыхает. Кажется, она хотела, чтоб эта переписка была обнаружена.

- Во-первых, не ори.
- Да тут не орать надо, а просто вышвырнуть, как пакостливую кошку.
- Во-вторых, не забывай, что это абсолютно моя квартира.
- Вот так, в один момент...
- Это не в один момент, Андрюша. Недавно я поняла, что такое будет продолжаться до конца. И решила вырваться, хоть нос высунуть в тот мир...

– Нос. Х-ха! – Андрей трет лицо. – Но ведь там закончилось. Там все закончилось.

– И у нас закончилось. Извини, я уже два года не могу с тобой кончить – я каждую секунду жду: сейчас позвонят и ты побежишь возиться со своими невменяшками.

Андрей дает Даше пощечину. Даша улыбается:

– Ну вот и хорошо. Вот и все.

Андрей стоит в прихожей с сумкой в руках. К нему выбегает Антон.

- Папа, ты куда?
- Сыночек, я сейчас ухожу... Я тебя не бросаю. Мы часто-часто будем видеться.
- Часто-часто?
- Да. Закрой за мной дверь.
- Ты когда придешь?
- Скоро.
- Сегодня?
- Наверное...
- Ладно. Киндер мне купишь?
- Обязательно.

После ухода отца Антон старательно запирает дверь.

Ирина стоит посреди больничного вестибюля. Входит Андрей. Они долго смотрят друг на друга.

– Как ты? – для проформы, без надежды на содержательный ответ спрашивает Андрей.

Ирина пожимает плечами:

– Как-то так...

- А я из дома ушел.
- И где ты сейчас?
- Да там... У Бориса... С работы... У него свои проблемы.
- А потом?
- А потом не знаю. Все деньги я Антохе на депозит положил. Ты ведь от своей доли отказалась... Ду-мал, в реку броситься, а тут ты позвонила.
- У меня больше никогда не будет детей.

Молчат. Смотрят в разные стороны, на проходящих мимо. Врачей, больных, навещающих... Потом взгляды снова встречаются.

- Совушка... Помнишь, я тебя совушкой звал?
- Помню. За круглые глаза... Андрей, почему они нас бросили?
- Мы сами ушли.
- Тогда почему мы ушли?
- Сильно гордые.
- У меня от Михаила кольцо осталось... с изумру-дом. Вернуть?

Андрей болезненно морщится. Потом говорит:

- Пойдем?
- Куда?
- К Борису. Я договорился – он пустит. Раз мы те-перь бомжи...
- Не хочу к Борису.
- Андрей берет с пола Ирину сумку.
- Ну, куда-нибудь тогда... Надо идти.

В кабинете арт-терапии за столом сидит Варя. Рядом с ней девушка-волонтер. Варя рисует дель-фина.

- Вот молодец, Варюша, – подбадривает девушка. – А теперь можешь нарисовать не дельфинчика, а котика?
- Не знаю.
- Давай попробуем. Какие тебе цвета для этого нужны?
- Красный.
- Ты хочешь нарисовать красного котика?
- Нет. Солнышко.
- А котик у тебя будет какого цвета?
- Зеленого.
- Ну хорошо. Нарисуй зеленого котика.

В кабинет, шуруша бахилами, входят Ирина и Ан-дрей.

- Здравствуй, доченька, – тихо и осторожно гово-рит Ирина.
- Варя приглядывается, вспоминая.
- Мама?..
- Как ты тут? – тоже осторожно спрашивает Ан-дрей.

– Хорошо. Мы много играем.

– Я тебе киндер принес.

– А, мне волонтеры киндеры дают...

Варя отворачивается и увлеченно рисует зеле-ного кота, не обращая больше внимания на роди-телей.

Андрей берет Ирину за руку. Ирина руки не отни-мает. Оба впились взглядом в спину дочери.

